

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ИКОНА НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: Усть-Цильма, русские, старообрядцы-поморцы, живописная икона, медное художественное литье, деревянная резная пластика, бытование, Великопоженский скит

В статье предпринята попытка комплексного исследования вопросов происхождения и особенностей бытования старообрядческой иконы в Усть-Цилемском районе Республики Коми. В процессе разысканий были освидетельствованы частные домовладения, собрания Усть-Цилемского Историко-мемориального музея А.В. Журавского и Пижемского историко-этнографического музея, собрания молитвенных домов с. Усть-Цильма и с. Замежная, часовни и обетного амбара в д. Скитская. Исследовательский интерес авторов направлен на описание внешних характеристик памятников иконописи и медного литья и на введение в научный оборот вербальных и ритуальных текстов старообрядческой культуры, связанных с использованием икон в народных повседневных и обрядовых практиках.

DOI: 10.7868/S0869541518030090

Развитие староверия на Европейском Северо-Востоке связывается в том числе и с приходом староверов из центральных и северо-западных областей России на р. Пижму и р. Цильму и образованием там скитов (Дронова 2002). Формирование Великопоженского общежития на р. Пижме предположительно происходило не позднее 1730 г., Омелинского на р. Цильме – в середине 1750-х годов. В исторических документах, свидетельствующих о деятельности Великопоженского скита, сообщается о прочных связях великопоженских насельников с Выголексинской обителью – крупнейшим поморским старообрядческим центром, окормлявшим все староверческие очаги на Русском Севере и в центре России. Выголексинцы снабжали скиты книгами и иконами, обучали духовных наставников, вели переписку с представителями общежития. Великопоженские староверы обустроивали духовную жизнь по подобию Выголексинского скита: действовали школы-грамотницы, мастерские по переписыванию и реставрации книг.

Из истории скита известна трагедия, произошедшая в 1743 г., связанная с самоожжением скитников. В дальнейшем в этом крае наступило затишье, чему, бесспорно, способствовало удаленное от центра России расположение скита. В первой половине XIX в., при Николае I, активизировавшем борьбу с расколом, в Усть-Цилемской волости возобновились гонения на староверов. В 1844 г. был закрыт Омелинский скит, а в 1857 г. – Великопоженский. В 1847 г. было возбуждено дело о ликвидации молельни в доме крестьянки Ирины Мяндиной в Усть-Цильме (Гагарин 1975: 121). Моленная была опечатана,

Татьяна Ивановна Дронова | <http://orcid.org/0000-0001-6464-0937> | t_i_dronova@mail.ru | ведущий научный сотрудник, сектор этнографии | Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (ул. Коммунистическая 26, Сыктывкар, Республика Коми, 167982, Россия)

Наталья Евгеньевна Плаксина | <http://orcid.org/0000-0002-4954-8283> | nplaks@mail.ru | заместитель директора по научной работе | Национальная галерея Республики Коми (ул. Кирова 44, Сыктывкар, ГСП-3, 167983, Россия)

иконы и книги изъяты и переданы в православную церковь. Но, несмотря на указания Архангелогородской епархии по искоренению староверия в крае, православные священники практически бездействовали, благодаря чему староверие, развивавшееся тайно, упрочивало свои позиции. Этому способствовало вызванное “противораскольническими” мерами массовое переселение на Нижнюю Печору староверов из центральных регионов России. В период с 1816 по 1850 г. в Усть-Цилемской волости было образовано свыше 20 населенных пунктов, численность населения составила свыше 3000 человек (ГААО. Ф. 51, оп. 11, т. 8, д. 12859).

После обнаружения в 1905 г. Именного Высочайшего Указа “Об укреплении начал веротерпимости” положение усть-цилемских старообрядцев значительно улучшилось. Примером тому было возведение часовен, действовавших до конца 1920-х годов. Часовни принадлежали крестьянским родам, которые и оснащали их богослужебной утварью: иконы находились в них стационарно, а книги служители приносили в день проведения служб. В годы советской власти в Усть-Цилемском районе продолжали действовать только молитвенные *амбарцы* – невысокие строения с двухскатной крышей, площадь которых не превышала 10 кв. м. В настоящее время действующими являются два *амбарца*, расположенные по р. Пижме и р. Тобыш, а также часовня в с. Усть-Цильма. В весенне-летний период староверы приходили по обету помолиться, совершали поминальные службы.

Одной из наименее изученных сфер духовной культуры русского старообрядчества остается комплекс вопросов, связанных с иконой, ее происхождением и бытованием. Современный исследователь старообрядческой иконы в большинстве случаев имеет дело с памятником, утратившим связь с первоначальным местом бытования и превратившимся в музейный экспонат (или коллекционную единицу), который может транслировать только внешние свойства – технико-технологические, стилевые и иконографические характеристики. Весь комплекс вопросов, связанных с особенностями бытования иконы в старообрядческой среде, ее функцией в обрядовой практике, остается за пределами информационного поля исследования. Поэтому столь важной представляется возможность изучения иконы в среде ее первоначального бытования. Усть-Цилемский район Республики Коми остается сегодня одним из мест, где до сих пор сохраняются традиции иконопочитания. Здесь по-прежнему иконы передаются по обычаю из поколения в поколение, а вместе с этим транслируются рассказы и поверья о чудодейственной помощи святых. Благодаря этому Усть-Цилемский район представляет собой уникальное поле для исследований старообрядческой иконы в тесной связи с ее обрядовой функцией.

Изучение иконы на Нижней Печоре началось недавно, однако отдельные вопросы, связанные с ее происхождением и бытованием, затрагивались и ранее. Так, в частности, тему обеспечения старообрядцев Нижней Печоры иконами освещал В.И. Малышев, предполагавший, что иконы, как и книги, доставлялись из Выго-Лексинского общежительства (Малышев 1956: 461–493; 1960: 10). Благодаря В.И. Малышеву и Е.И. Иткиной мы знаем о существовании на Печоре близкой к иконописанию и обычно сопутствующей ему изобразительной традиции в виде настенных листов. К произведениям великопоженских *писиц* (грамотных насельниц скита, занимавшихся рисованием настенных листов духовно-нравственного содержания) В.И. Малышев относил лист с изображением наставников Великопоженского общежительства, хранящийся ныне в Государственном литературном музее. На основе сравнительного анализа Е.И. Иткина добавила к нему еще 18 листов, выявленных ею в собраниях Государственного Исторического музея, Древлехранилище Института русской литературы РАН и Государственном музее истории религии (Иткина 1985: 347–353). В.И. Малышев выявил имена рисовальщиков, авторов книжной миниатюры и настенных листов, продолживших изобразительную традицию на Пижме во второй половине XIX – начале XX в., – это Кирилл Кирикович Чуркин из с. Замезное и Федор Иванович Вокуев из д. Рошинский Ручей (Малышев 1960: 16). В 1998 г. Т.М. Кольцова опубликовала архивные сведения 1725 г., согласно которым

в Усть-Цилемской слободке “в прежние годы” писал иконы крестьянин Стахей Устинов Дуркин (*Кольцова* 1998: 53).

В 1960–1970-е годы некоторые попытки в исследовании бытования икон на Нижней Печоре предпринял Ю.В. Гагарин, изучавший конфессиональные группы староверов с позиции атеизма. Исследователь сообщал, что в возрожденной после пожара 1825 г. Великопоженской обители создавались резные иконы (*Гагарин* 1973: 18–19). Гипотеза о существовании в ней мастерской по созданию икон в середине XIX в. получила подтверждение благодаря выявленному Е.Г. Меньшаковой архивному источнику (*Меньшакова* 2012: 91). В начале XXI в. отдельные аспекты бытования иконы в свадебной и погребально-поминальной обрядности усть-цилемов получили отражение в работах одного из авторов статьи (*Дронова* 2002, 2009). Первые искусствоведческие публикации, посвященные происходящим из Усть-Цилемского района памятникам иконописи и медного литья, находящимся (сейчас) в музейных и частных собраниях, также появились в текущем столетии (*Зотова* 2009; *Плаксина* 2008, 2011). Возобновление интереса к исследованию старообрядческих икон Нижней Печоры произошло в 2011 г. благодаря коллекционерам-исследователям Ю.И. Афанасьеву и А.В. Афанасьеву, которые попытались описать отличительные признаки группы икон выговской традиции, происходящих из Усть-Цильмы и названных ими по предполагаемому месту создания “великопоженскими” (*Афанасьев Ю., Афанасьев А.* 2011, 2012).

В 2012 г. в рамках совместного проекта Национальной галереи Республики Коми и Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН состоялась комплексная экспедиция в Усть-Цилемский район, направленная на выявление и изучение памятников иконописи и медного литья, бытующих в среде нижнепечорских старообрядцев. В ходе экспедиции были обследованы населенные пункты по р. Цильма (с. Трусово и д. Филиппово), р. Пижма (с. Замежная, д. Скитская, д. Степановская), по р. Печора (с. Усть-Цильма и д. Гаревое), изучены почти все наиболее значимые государственные, общественные и частные собрания Нижней Печоры, в том числе собрания Историко-мемориального музея А.В. Журавского в с. Усть-Цильма (далее: УЦИММ) и его филиала Пижемского историко-этнографического музея, молитвенных домов в с. Замежная и с. Усть-Цильма, часовни в д. Скитская и обетного амбарца на кладбище д. Скитская. Обследованы кладбища в д. Степановская и д. Скитская. Кроме того, удалось посетить месторождение охр (в народе именуемое “краски”) возле д. Скитская и взяты пробы пигмента для дальнейших исследований (*Дронова, Плаксина* 2014).

В последующие годы изыскания по данной теме были продолжены, изучались местночтимые святыни, выявлялись особо почитаемые иконописные памятники и связанные с ними практики, проводился стилистический анализ и атрибуция памятников иконописи и деревянной резной пластики, нашедшие отражение в настоящем исследовании.

Иконописные памятники Нижней Печоры: общий анализ и классификация

Особое отношение нижнепечорских крестьян к иконе отмечалось уже первыми исследователями Печорского края. В частности, Ф.М. Истомин сообщал, что на Пижме “в каждом доме рядом с первой горницей помещается вторая, угловые стены которой не редко сплошь увешаны старинными иконами” (*Истомин* 1890: 447). Ю.В. Гагарин, обследовавший Усть-Цилемский район в 1960–1970-е годы, отмечал повсеместное присутствие икон в домах местных жителей (НА КНЦ УрО РАН 1: Л. 99). Несмотря на то что значительное число памятников иконописи было утрачено или вывезено из Усть-Цилемского района, здесь все еще сохраняется довольно много икон, что подтвердила экспедиция 2012 г.

В ходе экспедиции 2012 г. удалось осмотреть свыше 200 икон, из них более 100 единиц живописных, небольшую группу составили памятники деревянной резной пластики – резные кресты и иконы “Голгофский крест с орудиями страстей”, несколько

десятков предметов медного художественного литья (кресты, иконы, складни). Были зафиксированы единичные комбинированные памятники, сочетающие в себе деревянную основу и меднолитые предметы, в том числе иконы-врезки, с литыми крестами и иконами, врезанными в живописную основу, а также литые предметы, врезанные в доску без живописи.

Особое внимание в ходе экспедиционного обследования уделялось живописным иконам. Среди них абсолютно преобладают памятники аналойного формата, бытование которых в прошлом и настоящем связано с домашними молельнями. Единичные храмовые иконы сохранились в составе комплексов моленных домов с. Усть-Цильма и с. Замежная, а также обетного амбарца в д. Скитская. Икона “Богоматерь Тихвинская” (88×65×3) из молитвенного дома с. Замежная, по легенде, происходит из д. Скитская, возможно, из последней часовни этой деревни, действовавшей с 1905 по 1929 г. Центральная икона комплекса обетного амбарца на кладбище в д. Скитская “Спас Вседержитель”, судя по размерам (71×55,5×3,5), также происходит из местного ряда неизвестного иконостаса. В собрании УЦИММ сохранились две большеформатные храмовые иконы из иконостасов неустановленных православных церквей, а также две чиновые иконы (“Пророк Иезекииль” [УЦИММ-4: КП 5041]; “Праотец Иаков” [УЦИММ-5: КП 5042]) происходящие, как удалось установить, из иконостаса часовни Великопоженского скита (Плаксина 2011: 312–315). Еще одна икона из иконостаса этой часовни “Праотец Адам” была обнаружена в частном собрании. Опытно-научными знаками икон Великопоженского скита являются красные сургучные печати с фамилией помощника Пинежского окружного начальника Пилюскина, проводившего опечатывание часовни в 1857 г. На обороте всех трех икон имеются надписи орешковыми чернилами с указанием названия и расположения икон в иконостасе. Кроме вышеназванных, был зафиксирован еще ряд памятников с разнообразными пометами, заказными, владельческими и вкладными надписями, как старыми, так и современными.

Сюжетный состав осмотренных памятников довольно разнообразен, всего было зафиксировано 68 наименований. Наибольшим числом памятников представлен образ святителя Николая Чудотворца (10 икон), что объясняется особым почитанием этого святого усть-цильмами. Далее по количеству следуют образ “Воскресение Христово – Сошествие во ад”, в том числе с двенадцатыми праздниками и с клеймами Страстей Господних (7), “Спас Вседержитель” (6), “Покров Пресвятой Богородицы”, “Образ Всех Российских Чудотворцев”, “Распятие Господне” (по 4), “Святые преподобные Зосима и Савватий Соловецкие”, “Три святителя: Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов”, “Богоматерь Тихвинская”, “Богоматерь Казанская”, “Богоматерь Всем скорбящим радость”, “Архистратиг Михаил – грозных небесных сил воевода”, “Седмица”, “Спас оплечный”, “Спас на престоле” (по 3). Состав наиболее часто встречающихся иконографических сюжетов типичен для старообрядцев поморского согласия.

Хронологические рамки осмотренных памятников – XVI – начало XX в. Произведения XVI–XVII вв. – единичны и представляют различные иконописные центры Русского Севера. Это икона “Покров Пресвятой Богородицы” новгородского иконописного центра XVI в. (УЦИММ-2: КП 4349), относящаяся ко времени основания с. Усть-Цильма, “Явление ангелов Александру Свирскому” XVII в. (частное собрание, с. Усть-Цильма), “Преподобный Антоний Сийский” XVII в. (Молитвенный дом с. Усть-Цильма), “Неизвестный святитель” XVII в. (обетный амбарец, д. Скитская), “Трехчастная икона: Преображение Господне, Богоматерь Казанская, Избранные святые” конца XVII в., Великий Устюг (до 2012 г. – частное собрание, с. Усть-Цильма) и ряд других.

Основной массив сохранившихся до наших дней иконописных памятников Усть-Цилемского района представляют собой произведения старообрядческих иконописных центров XIX в. Плохая сохранность большинства икон (кракелюр, значительные утраты красочного слоя, потемнение покрывной пленки) является серьезным препятствием для их изучения. Многие иконы несут на себе следы неоднократных реставрационных

чинок и поновлений — как старых, так и современных. В красном углу одного из домовладений с. Филиппово была зафиксирована икона “Алексий человек Божий” на старой доске с двойным ковчегом, искаженная до неузнаваемости грубыми современными поновлениями. На протяжении XX в., когда у местных староверов не было возможности приобретать новые иконы, они, как могли, сохраняли и подновляли старые образа самостоятельно. Наличие памятников, несущих на себе следы более ранних и зачастую довольно грамотных поновлений (переписанные поля, приписные святые на полях, надписи), выполненных не позднее второй половины XIX в., свидетельствует о присутствии в прошлом в данном ареале мастеров, обладавших навыками реставрации икон.

Нами была предпринята попытка классификации памятников по технико-технологическим особенностям и стиливным признакам. По нашим наблюдениям, присутствуют единичные иконы, представляющие различные центры старообрядческого иконописания. Северодвинский центр представляет икона XIX в. “Образ Всех Российских Чудотворцев” (молитвенный дом с. Замежная). К кругу ярославских писем конца XVIII — первой половины XIX в. принадлежат иконы “Избранные святые” (частное собрание, д. Скитская), “Святая Анастасия Узорешительница” (частное собрание, с. Филиппово), “Благовещение” (частное собрание, с. Усть-Цильма). С деятельностью московских иконописцев конца XIX — начала XX в. можно соотнести икону “Деисус”, написанную на старой доске (частное собрание, с. Усть-Цильма). Представлена продукция иконописных сел Владимирской губернии — от скорописных подокладниц (две иконы “Спас Вседержитель”, частное собрание, с. Усть-Цильма) до икон в “строгановском” стиле (“Иоанн Златоуст”, “Распятие с предстоящими”, частное собрание, с. Усть-Цильма; “Спас на престоле”, молитвенный дом с. Усть-Цильма и др.). В частном собрании Т.Д. Вокуевой (с. Усть-Цильма) была зафиксирована икона “Вход Господень в Иерусалим”, предположительно созданная мстёрскими подстаринщиками. География происхождения икон отражает миграции населения, широту торгово-экономических связей печорских старообрядцев, изменения их конфессиональных контактов. В частном собрании Н.Г. Хозяиновой (с. Усть-Цильма) хранится письмо Луки Арефьевича Гребнева на бланке его типографии в с. Старая Тушка Вятской губернии, датированное 14 октября 1912 г. В письме Л. Гребнев сообщает об имеющихся в наличии книжных изданиях его типографии. Этот документ — важное свидетельство контактов усть-цилемских староверов с вятскими староверами поморского согласия. Не исключено, что кроме книг, усть-цилемские старообрядцы получали из с. Старая Тушка живописные и медные иконы, созданные в мастерской Л.А. Гребнева. Их выявление и атрибуция — задача последующих исследований.

Самую большую группу сохранившихся памятников составляют иконы, созданные в иконописных традициях, выработанных в Выго-Лексинском монастыре. Они были зафиксированы практически во всех относительно крупных собраниях. Условно в составе этой группы мы выделили несколько подгрупп, определяемых по совокупности общих стилистических признаков (Плаксина 2014: 360–371). Среди наиболее ранних — иконы “Архистратиг Михаил грозных сил воевода” (УЦИММ-1: КП 3836), “Святитель Никола Чудотворец” (частное собрание, с. Усть-Цильма), которые по стилистическим характеристикам можно атрибутировать как произведения иконописцев Выговского суземка конца XVIII в. С произведениями выговских мастеров первой половины XIX в. могут быть соотнесены две иконы “Распятие Христово с предстоящими” с врезанными меднолитыми крестами поморского типа (молитвенный дом с. Замежное; частное собрание с. Усть-Цильма). Иконы абсолютно идентичны по размерам, обработке доски, скрепленной врезными сквозными гранеными шпонками, иконографии (в одном случае иконография дополнена клеймами “Снятие с креста” и “Положение во гроб”).

Довольно обширную группу составляют иконы со сложными многофигурными композициями: “Воскресение — Сошествие во ад, с двенадцатыми праздниками” (УЦИММ), две иконы “Образ Всех Российских чудотворцев” (УЦИММ-3: КП 5051; частное собрание, с. Усть-Цильма), “Успение Пресвятой Богородицы” (частное

собрание, с. Трусово), “София Премудрость Божия” (частное собрание, с. Филиппово), “Богоматерь Всем скорбящим радость” (частное собрание, с. Усть-Цильма) и ряд других. Их общие технико-технологические признаки: качественно изготовленные, практически не деформировавшиеся со временем доски основы, составленные из нескольких (от трех до шести) дощечек; шпонки преимущественно торцевые, на иконах более крупного размера врезные сквозные профилированные, с продольными желобками по краям; неглубокий ковчег с пологой лузгой; льняная паволока прямого плотного переплетения по всей поверхности; обильное использование золота или серебра (двойник?) на фонах, нимбах; тончайшая разделка золотом одеяний. Письмо этой группы икон миниатюрное, пропорции фигур классические или вытянутые. Лики сильно выветлены. В красочной гамме преобладают красный и синий цвета с оттенками. Горки в виде drobных прямоугольных белильных скобочек и (или) уголков, положенных черепицей. Характерны приемы изображения облачков (красных или синих) в виде многолепестковых звездочек-розеток с округлыми лучами, с тональной растяжкой от темного нижнего слоя к светлому верхнему. Надписи выполнены строгой поморской вязью с плотными, сжатыми, вытянутыми вертикально буквами. Опушь чаще в три (красная, голубая, белая) или в четыре линии (красная и голубая, обрамленная двумя тонкими белыми отводками). По лузге на иконах “Образ Всех Российских Чудотворцев” (УЦИММ) и “Воскресение Христово – Сошествие во ад” (частное собрание) полоска изящного орнамента. По общим формальным признакам иконы этой группы близки к выделенному и описанному Е.М. Юхименко кругу житийных икон, относимых ею к деятельности одной мастерской, существовавшей на Выгу в первой половине XIX в. и специализировавшейся на создании развешенных агиологических композиций для одноверцев, живущих во внешнем мире (Юхименко 2013: 312–325). Несколько икон этого типа из музейных и частных собраний экспонировалось на выставке “Искусство Поморья XVIII–XIX веков: художественные центры старообрядчества” в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва, 2011) (Алехина 2011: 12–14). К этой же группе Е.М. Юхименко отнесла икону “Благовещение” из собрания Государственного Русского музея (ГРМ: ДРЖ Б-137), которая, по сведениям Ф.А. Каликина, является произведением иконописцев из Березовского скита (Ливоварова 2008: 97). Икона “Успение Пресвятой Богородицы” из частного собрания с. Трусово имеет с последней много общего в приемах изображения палат, занавесов, округлых ангельских ликом в обрамлении кудрей, а также в ряде других признаков.

В изученном в рамках экспедиции иконописном фонде можно выделить еще одну довольно значительную группу икон, в которой преобладают персональные и парные изображения святых: “Святитель Никола Чудотворец” (частное собрание, с. Усть-Цильма; моленный дом, с. Заемное; моленный дом, с. Усть-Цильма; часовня, д. Скитская; частное собрание, с. Филиппово); “Царь Царем” (частное собрание, с. Усть-Цильма), “Апостол Иоанн Богослов”, “Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие”, “Ангел-Хранитель и неизвестная святая” (все три – частное собрание, Усть-Цильма), “Апостолы Петр и Павел”, “Избранные святые” (моленный дом, с. Усть-Цильма) и другие. Иконы этой группы отличаются неоднородностью художественного уровня при сохранении высокого качества изготовления основы, как правило, с торцовыми шпонками. Главным отличительным признаком является пестрая цветовая гамма, в которой присутствуют яркие травянисто-зеленый, изумрудный, лимонно-желтый, розовый, малиновый, голубой цвета. Золото (серебро) используется для золочения фона и нимбов, орнаментальной каймы одеяний; в прописи складок и орнаментов одеяний не используется. Облачка имеют рисунок в виде белильных “розочек” по красной или голубой подложке с завитком-спиралькой в центре. В целом иконы этой группы отличаются снижением уровня мастерства, сухостью и простотой письма, преобладанием графического контурного начала и в то же время повышенной декоративностью, цветностью. О нарастании ремесленничества и широком распространении икон этого типа, с целью

удовлетворения массового спроса, говорит присутствие в различных собраниях пяти почти идентичных икон “Святителя Николы Чудотворца”, три из которых написаны на досках стандартного аналойного формата (31×25,2×2,6). Иконы данной группы очень близки ряду памятников из собрания Карельского музея изобразительных искусств, происходящих из Заонежья и датированных разным временем, но в целом более характерных для середины – второй половины XIX в. Изменение цветовой гаммы отмечается как яркая черта эволюции выговского иконописания в этот период времени (Платонов 2003: 229). Однако вполне вероятным представляется и то, что они могли быть созданы на р. Пижме. Развитию иконописания в отдаленных северных старообрядческих общинах в этот период времени должно было способствовать закрытие Выго-Лексинского общежительства, которое сделало проблематичным обеспечение иконами молитвенных потребностей старообрядцев-поморцев, проживающих в разных регионах Российской империи, и способствовало развитию отходничества среди мастеров, ранее работавших по заказам Выго-Лексинского монастыря. Известно, что после закрытия общежительства выговские иконописцы устремились за пределы Олонецкой губернии (Фролова 2003: 218). Отдаленная и труднодоступная Пижма, крайне редко посещаемая представителями властей, должна была привлекать относительным спокойствием и наличием стабильного спроса на иконы со стороны верного древлеправославия населения Усть-Цильмы и ее окрестностей. Возможно, писанием именно подобного рода икон занимались скитники, продолжавшие жить в строениях Великопоженского скита после его официального закрытия, о чем сообщал его Преосвященство епископ Архангельский и Холмогорский по результатам своей поездки в Мезенский уезд в 1857 г. (Меньшакова 2012: 21).

В ходе экспедиции также была выявлена и описана группа деревянных резных досок и крестов с изображением Голгофского креста с орудиями страстей. Иконографический анализ этой группы памятников позволил выделить ряд устойчивых признаков, свидетельствующих об их общем происхождении. В совокупности с собранными еще в 1960-е годы Ю.В. Гагариным сведениями о том, что в Великопоженском скиту изготавливались резные иконы, есть все основания предполагать их непосредственную связь с Великопоженским общежительством (Плаксина 2012: 162–169).

Во время экспедиции 2012 г. было зафиксировано значительное число (около 100) предметов медного художественного литья более 60 наименований. Медное литье до сих пор очень ценится, едва ли не больше, чем живописные (“древенные”) иконы; присутствует практически в каждом доме, является главной принадлежностью домашних иконостасов и общих моленных, где осуществляется живая обрядовая практика. В молитвенном обиходе современных усть-цилемских старообрядцев абсолютно преобладают изделия так называемого поморского типа, разработанные на Выгу для старообрядцев беспоповского поморского согласия, представленные большей частью продукцией московских медниц второй половины XIX – начала XX в.

В домах старообрядцев, соблюдающих религиозные традиции, присутствует комплекс обязательных предметов медного литья “на все случаи жизни”, центральное место в котором занимает четырехстворчатый складень “Дванадцатые праздники с чтимыми иконами Богоматери”. Обязательной принадлежностью современных моленных является большой крест “Распятие Христово”. Преобладают кресты поморского типа со Спасом Нерукотворным в оглавию. Реже, но встречаются (чаще в музейных собраниях) кресты с Саваофом в оглавию, которые принято соотносить с молитвенными потребностями старообрядцев поповского согласия. Широко распространены киотные кресты двух размеров (высотой 22 и 16 см), отличающиеся большим разнообразием декора – безэмальные, украшенные синей или разноцветными эмальями. Нередко встречаются киотные кресты, врезанные в киоты, – как простые, так и украшенные резьбой и росписью, а также живописью предстоящих. В списке икон с образами святых преобладают иконы святителя Николы Чудотворца, которые присутствуют практически в каждом доме. Столь же широко распространен образ “Избранные святые: Медост, Власий, Нил,

Флор, Лавр”, изображающий святых покровителей домашнего скота, представленный богато декорированными цветными эмалями изделиями московских литейных мастерских второй половины XIX в. Среди богородичных изводов наибольшим числом экземпляров были отмечены защищающая от пожаров “Богоматерь Неопалимая купина” и “Богоматерь Всем скорбящим радость” (Плаксина 2016: 112–113).

Икона в обрядовой практике усть-цилемских староверов

Данные этнографических исследований, проводившихся в 1990-х годах в Усть-Цилемском районе, свидетельствуют о том, что в начале XX в. древлеписьменные и литые памятники крестьяне привозили в основном из Москвы и Санкт-Петербурга – старообрядческих центров, с которыми нижнепечорцы поддерживали прочные связи. Часть образов, хранящихся в частных собраниях, была привезена из Архангельска, с Вашки, куда крестьяне выезжали на ярмарки. Иконы приобретали, это был особый предмет разговоров и интереса в крестьянском кругу, их дарили кровным и духовным детям, передавали по наследству из поколения в поколение.

Интерес усть-цилёмов к приобретению икон был замечен церковно-православными коми-ижемцами, которые, проезжая через усть-цилемские старообрядческие селения на ярмарки и останавливаясь в домах усть-цилёмов на ночлег, иронизировали по этому поводу. Эта тема отражена в анекдоте, записанном Н.Е. Ончуковым от ижемцев: “Зыряне смеются над устьцилёмами! Встречаются два устьцилёма и начинается разговор:

- Парфенте-ей, а Парфенте-ей!
- Чего-о?
- Куда поеха-ал?
- В Пинегу-у.
- Пошто-ле?
- На базар.
- Купи мне икону-у.
- Какую-ю?
- А Миколу-у.
- Большу-ле?
- С баянну дверь.

Рассказчик намеренно растягивает слова на концах, передразнивая устьцилёмов, которые говорят очень певуче” (Ончуков 1909: 75).

В усть-цилемской локальной традиции большое значение придавалось обустройству дома, в частности, под “духовной обжитостью” понималось наличие в нём икон; дом без образов сравнивался с нежилым помещением. Трепетное отношение к иконам и стремление к их приобретению связывалось прежде всего с тем, что в староверческих поселениях, подвергавшихся преследованию со стороны властей, запрещавших возведение культовых строений, дом представлял собой “малую церковь”. Известно, что в домах зажиточных крестьян устраивали частные моленные, в которых проводили праздничные и воскресные службы для всех сельчан (Дронова 2009: 109–115). По рассказам информантов, иконостасы в частных моленных были двух- и трехуровневые, центральную часть составляли *древенные* иконы: восьмиконечный крест, слева от него образ Николы Чудотворца, справа – Богородицы.

Особо почиталась медная пластика, украшенная эмалью, в особенности белого цвета. Иконы с ее использованием назывались *иконы со свенистами* (происхождение названия выяснить не удалось), по рассказам крестьян, их преимущественно имели богатые крестьяне. Среди прочих икон спросом пользовались киотные литые четырёх- (двунадесятые праздники) и трёхстворчатые складни (*створы*), которые стремились приобрести все крестьяне. Нередко они заменяли иконостасы и святцы. Интерес к створам

информанты объясняют, главным образом, значительностью двенадцатых праздников в христианском календаре и их практическим использованием: в дни этих празднований крестьяне-богомолы напротив конкретного образа/иконографического сюжета *затебливали* (зажигали) свечу и читали канон или пели молебен. Из трехстворчатых складней предпочтение придавалось *створам* “Деисус” с образом Господа, Богородицы и Иоанна Предтечи, что также связывалось с духовными потребностями крестьян. В молитвенной практике в молебнах для усиления молитвы иногда соединяли два или три канона, чаще всего это были каноны Богородице, Господу и Иоанну Предтече. Кроме складней крестьяне-скотоводы приобретали иконы с избранными святыми, в числе которых были священномученик Власий и святитель Медост – покровители скота. На иконы ежедневно молились, совершали требы, обращались с просьбами к святым.

Традиционно иконы стационарно выставлялись на *божницах*, их не переносили в другие места и не переставляли без надобности, за исключением случаев, когда их мыли. За культовыми предметами тщательно ухаживали: мыли не менее трёх раз в год с использованием природных компонентов и органических веществ (клюква, зола, речной песок); летом – обязательно в реке. Иконы в доме располагали на высоте, недоступной детям. Существовали предписания в обращении с ними, например, к ним запрещалось прикасаться инославным, женщинам в дни регул; взрослым следовало предварительно вымыть руки, женщинам повязать платок. Словом, крестьяне жили в глубокой вере и семейную жизнь строили, памятуя о страхе Божиим; иконы же были для них визуальным напоминанием об этом. Например, детям, не стремящимся к послушанию, говорили, указывая на образа: “Бог всё видит”.

В настоящее время по-прежнему иконам придается большое значение, во многих домах имеются исключительно медно-литые *образы*. В прошлом семейные божницы составляли не менее 10 икон. По местной традиции иконы расставляли во все жилые комнаты, а главный иконостас размещали в комнате, считавшейся главной, в связи с тем, что в ней устраивали трапезу.

Большой урон староверию был нанесен в годы советской власти, когда ее представители ходили по домам и изымали культовые предметы. Наш информант П.А. Поздеева была очевидцем того, как в конце 1930-х годов изъятые у населения иконы демонстративно разрубали и сжигали в центре с. Усть-Цильма около волисполкома. В этих непростых условиях многие крестьяне устанавливали божницы в хозяйственном углу, расположенном за печкой и прикрываемом занавеской. По рассказам, на хозяйственную полку устанавливали одну-две иконы, остальные временно закапывали в землю или прятали в погребах. Для обзора общественников пустые божницы оставляли на прежних местах. В крестьянских представлениях святость намоленного места, где ранее находились иконы, сохранялась три года: “*Бывало всяко, крали иконы, изымали, а новы купить бат и не на чё было. Старики говаривали: три года можно молице на пусту божницу, вот кака сила в иконах*” (ПМД 2: Бабикова).

Как и для всех православных людей, иконографический образ является важнейшим символом религиозной культуры (Цеханская 1998). Иконы не считались богатством, культовые предметы в понимании крестьянства составляли необходимую и важнейшую часть обихода: “*Жили богасьява никакого не было: книги да иконы. Молисе, гледишь на икону как с Богом разговаривашь. У новых (некоторых. – Т.Д.) иконы были разны: надо было за своё здоровье помоллице, за скота помоллице, за болящих, от скорбей...*” (ПМД 3: Бабикова).

У усть-цилемских староверов, как и по всему русскому Северу, самым почитаемым святым является Никола Чудотворец. В Усть-Цильме в разные годы были возведены православные и единоверческие церкви: первая православная церковь действовала с 1547 по 1745 г. (сгорела); вторая – с 1746 до 1877 г. (закрыта за ветхостью); освящение третьей датируется 19 декабря 1851 г. Единоверческий приход открыт в 1856 г., а освящение новой единоверческой церкви совершено в 1872 г. – все церкви были освящены во имя свт. Николы, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца (Краткое описание 1895: 394).

Новый староверческий храм, построенный в 2012 г., также освящен во славу вышеназванного святого.

Усть-Цильма изобилует рассказами о явленных иконах. Ранние сведения об этом представлены в работе Ф.М. Истомина, писавшего в 1891 г.: “После страшного пожара уцелела икона Николая Чудотворца; она была найдена, по преданию, на еловом пне, в двух верстах от бывшей слободки, по нижнему течению Печоры. Икону эту перенесли в устроенную на месте сгоревшей церкви часовенку; но два раза она оказывалась на другом месте, значительно удаленном от берега Печоры. Придав важность такому явлению, слобожане приступили к строительству новой церкви не на прежнем месте, а на том, которое указано было двукратно явившейся иконой” (*Истопин* 1891: 2). В дальнейшем эта икона находилась в усть-цилемской православной церкви до ее закрытия в 1920-х годах. Уместно предположить, что икона была уничтожена “красными комиссарами” в числе других культовых памятников.

Согласно рассказам информантов, устьцилемы стали свидетелями еще одной явленной иконы Николы Чудотворца – скульптурного образа из камня, в народе именуемой Никола каменный. От Марии Васильевны Поздеевой, последнего известного хранителя явленной иконы, был записан следующий рассказ об этом:

Никола каменный называют эту икону. Икона явилась на пне в Старых Дворищах. Пра-пра-прадед Марк был. Ему она явилась, но не далась. Потом с Бору привезли старика, тот прочёл молитву, и икона далась в руки. Потом привезли в Усть-Цильму и икона в Нижнем конце у Бульгиной Парасковьи Петровны – у невестки деда Марка была. Стали к этой иконе ходить овещаться по четвергам, в Николин день. По четвергам Николы молимся. Молились лестовками и молебны пели. В совецко время запрашали молиться, втай ходили молились (ПМД 2: Поздеева).

После смерти Марии Васильевны каменный образ хранится у ее родственников, имя хранителя не разглашается. В связи с этим традиция совершения обетных молений в настоящее время прервалась.

Для жителей волостного центра – Усть-Цильмы – Николин день являлся престольным праздником: на Николу зимнего (19.12 н.ст.) устраивали ярмарку, на которую съезжались жители из усть-цилемских, ижемских и других окрестных деревень. Несмотря на то, что ижемцы иронизировали над русскими соседями (староверами), в частности подчеркивая их пристрастие к приобретению икон, оленеводы, вернувшиеся со стадами оленей из тундры, в этот праздник приезжали в Усть-Цильму и оставляли в церкви оленью продукцию, покупали меднолитые иконы с образом святого.

Определение Николаина дня – устойчивой даты, открывавшей весенне-летний хороводный сезон, связывалось не только с великим почитанием святого со времён образования Усть-Цилемской слободы. С одной стороны, таяние земли и готовность к земледельческим работам устьцилемы отмечали разыгрыванием хороводов, с другой – их приуроченность к дню памяти святого связывалась с представлениями о Николе как “попечителе всех по земли шествующих”. Первые весенние *горочные* хороводы девушки и молодые женщины водили на высоких берегах у реки, называемых *горки*, других возвышенных местах, где появлялись первые проталины и земля быстрее просыхала от влаги. Фигуры хоровода следовало “расписать” на земле, а не на снегу, с тем чтобы год был урожайным и прибыльным. Это важнейшее требование придает хороводам сакральный смысл и свидетельствует, что праздничное действо, получившее название *горка*¹, – это не забава, а сакральный обряд, освящавший вскрытие рек, первую траву и знаменовавший пробуждение природы. В этом обрядовом случае к Святителю обращались как к *молитвеннику, скорому помощнику и теплому заступнику* в предстоящих земледельческо-скотоводческих хозяйственных делах. К Николину дню крестьяне-скотоводы ожидали первую траву, загадывая: “*Егорий с водой, Никола с травой*”. Святому “сулили обеты” по случаю выгона скота на летние пастбища. Николин день был отправным в крестьянских делах.

Усть-цилемские крестьяне брали икону с образом Николы, когда отправлялись на уголья и в дальнюю дорогу, а садясь в лодку или телегу, молитвенно обращались к святому: *“Святитель Христов Никола, скорый помошник, теплый заступник, на воды и на земли, храни, меня грешно/грешную”*. Неканонические молитвы широко бытуют в Усть-Цилемском районе, приводим некоторые из них, обращенные к Николе:

1. Святой, Господи, Святая Мать, святой Микола, моли Бога за мою душу грешную, за моих внучат, за безымянных, за белый свет (ПМД 5: Осташова).

2. Свят, свят, свят, Никола столпник.
Свята вода под лодкой, свят дух над лодкой.
Свят дух под конем, свят дух над конем (ПМД 5: Чупрова).

3. Я в пути, милостивый Господи с нами по пути.
Святитель Христов Микола меня сохрани (ПМД 5: Чупрова).

4. Святой Христов Микола,
Скорый помошник, тёплый заступник,
Молебник ко Спасу душам нашим.
Спаси нас и береги, на пути и на дороги,
На воды и на земли (ПМД 2: Семенова).

5. Святитель Христов Микола.
Скорый помошник, теплый заступник
Спаси и сохрани меня грешну.
В путях и дорогах:
С горы пришло, дэк на гору поди.
С воды пришло, дэк на воду поди.
С людей пришло, дэк на людей поди.
От злых людей, от врагов.
Дай мне, Господи, ума да разума (ПМД 4: Дуркина).

Молитвенное обращение к Николе связывалось с просьбой о заступничестве и обеспечением благополучия в дороге. Еще во второй половине XX в. неканонические молитвы записывали в тетрадь или на лист, который в свернутом виде носили в кармане. Чаще короткие молитвы творили мысленно – “про себя”.

Николу молились по четвергам: по лестовке или служили молебны. По обычаю, во вновь возведенный дом первой принято вносить икону с его образом, в честь святого служили молебен, молились о благополучии жильцов. К Святому обращались в трудных, порой в безысходных ситуациях, многочисленные рассказы информантов свидетельствуют о чудесной помощи святого. Приведу рассказ последних лет:

Никола милосливой. Когда ле парня из Усть-Цильмы должны были забрать в Чечню, вообщэ-то многих забирали, а у оного родители стали заказывать молебны Николы. Я 50 молебнов отслужила и его отправили служить в Москву, а остальных всех в Чучню отправили (ПМД 5: Нечаева).

Из рассказов информантов известно еще об одной явленной иконе – “Алексий – человек Божий”, считавшейся чудотворной. Бытование иконы связывается с историей д. Алёхино, находившейся в трех километрах от Усть-Цильмы. По преданию,

...в деревне Алёхино жили шибко набожны люди и им икона “показалась” в поле, ее взяли и поставили на божницу к Ирины Ефимковых” (ПМД 1: Бабикова); Были голодны годы, неурожайны. Хлеб не рожался. И люди пошли жить на гору, и облюбовали круглое место. Вспахали поле, и родился хлеб, назвали это поле “масленно поле”. И осетовались тут люди. А первый-то и был Алексей, моему деду брат был. Вот у него и хранилась икона Алексей – человек Божий. Две избы у него было: в одной жили, а в другой служили, моленная изба была (ПМД 1: Поздеева).

Ежегодно 30 марта в день Преподобного Алексия в д. Алёхино приходили жители из окрестных деревень, служили молебны. Приходили к иконе и по обету, информанты свидетельствуют, что поводом к обетным молениям были болезни. На этот случай крестьяне приносили с собой вотивы – вырезанные из бумаги, позднее из мягкой жести части тела, об исцелении которых молились перед иконой:

В Алексеев день приходило до 300 человек. Ходили и в другие дни. Из Нарьян-Мара летом приезжали, сейчас приходят молятся по листовке, зажигают свечи. По обету приходили, когда дети умирали. Овещались, если дети родились слабенькими: выживут – не выживут, то овещались, что девочки не будут носить кольца и сережки. Когда приходили молиться об излечении, то к иконе клали деньги, ставили свечи, а если болела нога, то вырезанную из жести ногу или руку, или глаз. Внутренности болели, то приносили вырезанное из оклада туловище. Потом так эти железки и оставляли тут, а когда приходили другие люди, то они тоже брали эти железки и прикладывали к иконе, молились о здоровье. Уносить эти железки не разрешалось (ПМД 1: Хозяинова).

По рассказам информантов, молитвенное обращение к святому исцеляло людей, придавало защиту, тому примеры рассказов:

Я тяжело беременность носила, и мы с мамкой пешком ходили в Алехино по обету. Ране все говорили, что у Алехиных есть икона Алексею – человеку Божьему и все, кто обращались к ней за помощью, всем помогала. И я посулила Богу, что схожу помолиться этому святому и до родов не сяду с плеч кабатка (молитвенная рубашка старух. – Т.Д.), и буду Богу молиться, лишь бы благополучно разродиться. Сходили помолиться, и я выполнила свое обещание и благополучно родила.

У людей в деревнях шипко руки болели – работу тяжело мяли. И ходили к Алехиным помолиться, овещались и выздоравливали. Многие поправлялись (НА КНЦ УрО РАН 2: Л. 23).

“Надеть кабат” означало принять образ жизни старого богомольного человека, а для молодых принятие такого совета было временным, только на кризисный (переходный) период; для беременной это было защитой.

В 1970-х годах деревня Алёхино была закрыта как “неперспективная”, ее жильцы выехали и обосновались в Усть-Цильме. Последним известным хранителем иконы была Анна Иосифовна Хозяинова, после ее смерти владелец иконы не известен.

В процессе экспедиционного обследования 2012 г. нам удалось выявить большое количество икон с ликами Николы, Богородицы, других святых и только одну икону с ликом Преподобного Алексия. Икона обнаружена в крестьянской семье в д. Филиппово. Ее “восстановили” в домашних условиях, используя обыкновенную полую краску и бронзу на олифе. Не исключено, что стремление продлить жизнь иконе было обусловлено известностью святого в Усть-Цилемской волости (позднее в районе) и рассказами о его чудесной помощи, тогда как обветшавшие *древенные* иконы изымались с божниц. Большой популярностью у крестьян пользовался духовный стих “Алексий – человек Божий”, который исполняли в посты. Стих также предписывалось петь *болящим* в любое календарное время.

В культуре устьцилемов 30 марта (н. ст.) – день празднования Преподобного Алексия отмечен как переломный, связывавшийся с весенним пробуждением природы. Согласно усть-цилемской примете, после Алексеева дня снег тает от земли, а лед от воды. При этом крестьяне добавляют: “*Хоть с собаку снега нападёт, прибавку нету*”. Примечательно, что в представлении устьцилемов весна являлась временем года, когда большое внимание уделялось профилактике здоровья и лечению болезней:

Старики сказывали, весной снег начнет таять, ручьи потекут, тут станут лечиться. В байнах трутятся, транниц приглашали на дом, тут и жили, их кормили. Байну натопят и транници трут в байнах – трать, это массажем нынь зовут. Опеть в байнах кровь метали, тоже тако леченье было (ПМД 3: Бабикова).

Уместно предположить, что обращение крестьян к Преподобному Алексию за лечебной помощью связывалось с народными представлениями о дне его празднования как поворотном, приносящем новые надежды, обновления в жизни.

Древенные резные доски и кресты с изображением Голгофы, представленные единично, имеют в культуре усть-цилемских староверов иное назначение в сравнении с выговским (севернорусским). В настоящее время установить их назначение, вероятно, уже не представляется возможным. В севернорусской традиции бассейнов рек Мезени, Пинеги, Выга подобные иконы изготавливались для намогильных строений (столбов), имевших также название “часовенки”. Подобные иконы делали и в коми старообрядческих общинах, где резная традиция изготовления сохранялась еще в 20-х годах XX в. (Шаранов 2001: 207). Такие иконы коми староверы также использовали как намогильные, а на Нижней Печоре они выполняли иную функцию, пока до конца не выясненную, но не связывавшуюся с их установкой на намогильных памятниках. В традиции устьцилемов в погребальный крест (столб) врезали небольшую меднолитую икону: для женщин – Богородичной тематики, для мужчин – с образами прочих святых, или нательный крест. Нами не зафиксировано ни одного случая установки резных досок на кладбище, нет подтверждений и от информантов. В настоящее время их помещают на домашних божницах, одна такая икона имеется и в собрании молитвенного дома старообрядческой общины с. Усть-Цильма. В новом старообрядческом храме по ее подобию в 2011 г. был оформлен резной аналой, являющийся еще одним вариантом применения иконографической резьбы.

В обрядовой практике использовались и другие иконы. Богородичным *древенным* образом благословляли жениха и невесту в свадебном обряде, икона была обязательной частью приданого невесты. Небольшой медно-литой образ Богородицы устанавливали в бане на период родов с тем, чтобы на определенное время придать семантически “нечистому” месту обжитость. Литой образ, в том числе и Николы, устанавливали на теле усопшего в период его трехдневного нахождения в доме, перед погребением его убирали и врезали в памятник усопшему. Данная традиция бытовала повсеместно не только в староверческой среде, но и в официально-православной (Цеханская 1998: 318; Власова 2011: 122). Устраивали крестные ходы вокруг жилого дома, где проводили всенощную службу к праздникам Рождеству и Пасхе: деревянную икону или литые створы укладывали на полотенце и освящали ход.

В прошлом в Усть-Цилемской волости в достопамятных местах устанавливались массивные обетные резные кресты. Известны случаи их возведения: на месте Омелинского скита по р. Цильма; на кладбище в д. Скитская было установлено два одинаковых креста, рядом с одним из них была пристроена домовина, где покоятся останки сгоревших скитников. В 2005 г. рядом с часовней в д. Скитская был установлен массивный деревянный восьмиконечный резной крест из лиственницы, выполненный пижемским мастером И. Штинниковым по образцу креста (ныне сильно обветшавшего), установленного на деревенском кладбище в конце XIX в. Новый крест установлен на пожертвования пижемских и сыктывкарских староверов.

По общерусской традиции обветшавшие намогильные кресты и *древенные* иконы полагалось сжигать. В усть-цилемских деревнях намогильные сооружения складировались на окраине кладбища, где они со временем истлевали, *древенные* иконы со стертymi лицами закапывали на территории кладбища во избежание хождения по ним. Из сообщения Натальи Ивановны Осташовой: “*Старую икону закопала на могиле, в ногах у дедка. На их не молились, на некоторых уж образ не вино, не знамо кому надо молице, это тоже грех*” (ПМД 5: Осташова). Подобным образом утилизировали и меднолитые образы.

* * *

Во время экспедиций был собран богатый этнографический материал, свидетельствующий о трепетном отношении крестьянства к живописным и медно-литым культовым памятникам и интересе к их приобретению. Особое внимание было обращено к так называемым “явленным иконам” и связанным с ними практикам и обрядам. Усть-цилемские староверы особое значение придавали иконам с ликом Николы Чудотворца, которые приобретали не только для дома, но и для временных отлучений из него: в период занятия извозом небольшой образ крестьяне брали в дорогу. В социальной организации староверы в основном ориентировались на староцерковную религиозную традицию, но вместе с тем опирались и на так называемую “дедовскую старину”. Соединением христианских и этнических традиций устьцилемы пытались обеспечить благополучие в хозяйственных делах на текущий год. Примером тому являются летние “горочные” хороводы, начинавшиеся с Николина дня (22.05 н.ст.).

Иконографический состав осмотренных памятников довольно разнообразен. Зафиксированные во время экспедиции памятники представляют некий малый, не обладающий исчерпывающими характеристиками срез значительного в прошлом “иконописного фонда”, бытовавшего на территории Усть-Цилемского района. Тем не менее он позволяет сделать некоторые выводы. В частности, данные полевых исследований свидетельствуют о преобладающем присутствии на Нижней Печоре памятников выговской иконописной традиции, проводником которой был Великопоженский скит, поддерживавший прочные контакты со своей киновией. Выговская традиция представлена произведениями, включающими в себя развернутые иконографические композиции, созданные на Выгу, с периода его расцвета в последней четверти XVIII в. до упадка в середине – второй половине XIX в. Живописные иконы второй половины XIX – начала XX в. характеризуются упрощением иконографии и общим снижением художественного уровня. Ярким явлением старообрядческой художественной культуры Нижней Печоры является деревянная резная пластика – резные иконы и кресты с изображением Голгофского креста, центром изготовления которых был Великопоженский скит.

Дальнейшие поиски и сопоставление памятников Нижней Печоры с иконами выговской школы и лубками из различных музейных собраний, поиск в архивах документальных сведений о деятельности Великопоженского скита, несомненно, приведут к интересным открытиям и позволят полнее представить его роль в развитии старообрядческой художественной традиции в Поморье.

Примечание

¹ Символическое название обрядового хоровода связано не только с топографическим аспектом. Оно связывается и с другими значениями: пик солнечного и трудового года, порой вхождения подростков в молодежный круг, ритуального закрепления женихов и невест в потенциальные брачные пары.

Источники и материалы

ГААО – Государственный архив Архангельской области. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12859.

ГРМ – Государственный Русский музей. ДРЖ Б-137.

Истомин 1891 – *Истомин Ф.М.* О религиозном состоянии обитателей русской низовой Печоры. СПб., 1891.

Краткое 1985 – Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895.

НА КНЦ УрО РАН 1 – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 188. Л. 99.

НМРК – Национальный музей Республики Коми. НВ 2860/7.

НА КНЦ УрО РАН 2 – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.
Ф. 5. Оп. 2. Д. 67. Л. 23.

Ончуков 1909 – *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб., 1909.

УЦИММ 1 – Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского. КП 3836.

УЦИММ 2 – Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского. КП 4349.

УЦИММ 3 – Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского. КП 5051.

УЦИММ 4 – Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского. КП 5041.

УЦИММ 5 – Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А.В. Журавского. КП 5042.

ПМД 1 – 2002. Полевые материалы Т.И. Дроновой. Экспедиция в Усть-Цилемский р-н Республики Коми (с. Усть-Цильма). Информанты: А.И. Хозяинова, 1922 г.р.; П.Г. Поздеева, 1913 г.р.

ПМД 2 – 2003. Экспедиция в Усть-Цилемский р-н Республики Коми (с. Усть-Цильма, с. Замежная, д. Чукчино). Информанты: М.В. Поздеева; Е.Ф. Семенова, 1938 г.р.; А.М. Бабилова, 1922 г.р.

ПМД 3 – 2004. Экспедиция в Усть-Цилемский р-н Республики Коми (д. Чукчино). Информант: А.М. Бабилова, 1922 г.р.

ПМД 4 – 2005. Экспедиция в Усть-Цилемский р-н Республики Коми (д. Чукчино). Информант: А.И. Дуркина, 1912 г.р.

ПМД 5 – 2014. Экспедиция в Усть-Цилемский р-н Республики Коми (д. Скитская, с. Усть-Цильма). Информанты: Н.И. Осташова 1924 г.р.; К.М. Чупрова 1930 г.р.; А.А. Нечаева 1935 г.р.

Научная литература

Алехина Л., Зотова Е., Комашко Н. Искусство Поморья XVIII–XIX веков: художественные центры старообрядчества // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 6 (87). С. 4–29.

Афанасьев Ю.И. Великопоженская икона // Вторые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во Кола, 2011. С. 315–317.

Афанасьев Ю., Афанасьев А. Краски великопоженских икон // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 5 (96). С. 4–10.

Власова В.В. Медное литье в повседневной жизни и обрядовой практике коми-староверов // Археология, этнография, антропология Евразии. 2011. № 1. С. 122.

Гагарин Ю.В. Старообрядцы. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973.

Гагарин Ю.В. Преследование старообрядчества в Коми крае русской православной церковью и самодержавным государством в XIX–XX вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII–XX вв.) / Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1975. С. 116–131.

Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар: Коми научный центр, 2002.

Дронова Т.И. Отношение к книге староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (на примере рода Исаковых-Бабиловых) // Первые Мяндинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (12 июля 2008, с. Усть-Цильма) / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2009. С. 109–115.

Дронова Т.И., Плаксина Н.Е. Старообрядческая икона Нижней Печоры: предварительные итоги изучения // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 1 (17). С. 103–109.

Зотова Е.Я. Меднолитой складень из Усть-Цильмы // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.) / Ред. А.В. Петриков, А.А. Попов, А.Н. Сахаров. М.; Сыктывкар, 2006. С. 389–394.

Иткина Е.И. Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века. Дис. ... канд. искусствоведения. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 1985. Приложение. Т. 2. Каталог. С. 347–353.

- Кольцова Т.М.* Северные иконописцы. Опыт библиографического словаря. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1998.
- Мальшев В.И.* Пижемская рукописная старина. (Отчет о командировке 1955 года) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 461–493.
- Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми областное книжное изд-во, 1960.
- Меньшакова Е.Г.* Иконописцы храмов Пустозерска и волости в XVIII – начале XX века // Пустозерск – первый русский город за Полярным кругом: материалы Пярых Аввакумовских чтений, 23–25 сентября 2011 г. / Ред. Е.А. Елисеева. Нарьян-Мар, 2012. С. 90–97.
- Пивоварова Н.В.* (сост.) Образы и символы старой веры: памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. СПб.: Palace Editions–Graficart, 2008.
- Плаксина Н.Е.* Иконопись, деревянная резная пластика, медное художественное литье XVII – начала XX века. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2008.
- Плаксина Н.Е.* Памятники старообрядческой иконописи Усть-Цильмы в музейных собраниях Республики Коми // Вторые Мяндинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма) / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар: Издательство Кола, 2011. Т. 1. С. 308–315.
- Плаксина Н.Е.* Памятники деревянной резной пластики Нижней Печоры // Святые и святыни Обонежья: материалы всерос. науч. конф. “Водлозерские чтения – 2013”, посв. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 года) / Отв. ред. А.В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 162–169.
- Плаксина Н.Е.* Выговская традиция в старообрядческой иконе Нижней Печоры (по материалам полевых исследований 2012 г.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной научной конференции 11–13 ноября 2014 г. / Ред.-сост. В.И. Осипов, Н.В. Зиновкина, Е.И. Соколова, А.В. Осипова. М., 2014. Т. II. С. 360–371.
- Плаксина Н.Е.* Меднолитая пластика Нижней Печоры // Третьи Мяндинские чтения: сб. научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г. Сыктывкар) / Отв. ред. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 106–116.
- Платонов В.Г.* Иконопись Выгорезии в собраниях музеев Карелии // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научных статей и материалов / Отв. ред. А.М. Пашков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 220–231.
- Фролова Г.И.* Иконописцы Выговской староверческой пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научных статей и материалов / Отв. ред. А.М. Пашков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 211–219.
- Цеханская К.В.* Иконы в жизни русского народа. М.: Православный паломник, 1998.
- Шарапов В.Э.* Резные иконы // Атлас Республики Коми / Под ред. Э.А. Савельевой. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. С. 207.
- Юхименко Е.М.* Памятники выговской иконописи первой половины XIX в. из частного собрания // Старообрядчество в России (XVII–XX века) / Отв. ред. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. Вып. 5. С. 312–325.

Research Article

Dronova, T.I., and N.E. Plaksina. Staroobriadcheskaia ikona Nizhnei Pechory: opyt kompleksnogo izucheniia [The Old-Believer Icon of Lower Pechora: A Complex Study]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 114–132. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Tatiana Dronova | <http://orcid.org/0000-0001-6464-0937> | t_i_dronova@mail.ru | Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia)

Natalia Plaksina | <http://orcid.org/0000-0002-4954-8283> | nplaks@mail.ru | National Gallery of the Republic of Komi (44 Kirova St., Syktyvkar, Komi Republic, 167983, Russia)

Keywords

Ust-Tsilma, Russians, Pomor, Old-Believers, Velikopozhensky cell, painted icon, copper casting, wood engraving

Abstract

The article undertakes a complex study of origins, functioning, and distinctive features of the Old-Believers icon in the Ust-Tsilma region of the Komi Republic. The account is drawn on the outcome of research conducted in private estates of the region, at the A.V. Zhuravsky Historical Memorial Museum in Ust-Tsilma, the Pizhma Historical Ethnographic Museum, prayer houses in Ust-Tsilma and Zamezhnaia, as well as the chapel and pledge house in the village of Skitskaya. The goal of the article is to describe the most important features of icon painting and copper casting in the region, and explore in detail the verbal and ritual texts of the Old-Believers culture that are related to the use of icons in various everyday and ritual practices.

DOI: 10.7868/S0869541518030090

References

- Alekhina, L., E. Zotova, and N. Komashko. 2011. Iskusstvo Pomor'ia XVIII–XIX vekov: khudozhestvennye centry staroobriadchestva [Art of Pomorze of the 18–19th Centuries: Art Centers of Old Belief]. In *Antikvariat: predmety iskusstva i kollektcionirovaniia* 6 (87): 4–29.
- Afanasiev, Y.I. 2011. Velikopozhenskaia ikona [Velikopozhensky Icon]. In *Vtorye Miandinskije chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Second Myandinsky Readings: Materials of the All-Russian Academic and Practical Conference], edited by T.F. Volkova, 1: 315–317. Syktyvkar: Kola.
- Afanasiev, Y., and A. Afanasiev. 2012. Kraski velikopozhenskih ikon [The Colors of Velikopozhensky Icons]. *Antikvariat: predmety iskusstva i kollektcionirovaniia* 5 (96): 4–10.
- Dronova, T.I. 2002. *Russkie starovery-bespopovtsy Ust'-Tsil'my: konfessional'nye traditsii v obriadakh zhiznennogo tsikla (konets XIX – XX vv.)* [Russian Bespopovtsy Old-Believers of Ust-Tsilma: Religious Traditions in Ceremonies of the Life Cycle (the End of the XIX – XX Centuries)]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr.
- Dronova, T.I. 2009. Otnoshenie k knige staroverov-bespopovtsev Ust'-Tsil'my (na primere roda Isakovykh-Babikovykh) [The Attitude toward the Book of Bespopovtsy Old-Believers of Ust-Tsilma (the Case of the Isakov-Babikov Family)]. In *Pervye Miandinskije chteniia* [The First Myandinsky Readings], edited by T.F. Volkova, 109–115. Syktyvkar: Kola.
- Dronova, T.I., and N.E. Plaksina. 2014. Staroobriadcheskaia ikona Nizhnei Pechory: predvaritel'nye itogi izucheniia [The Old Belief Icon of the Lower Pechora: Preliminary Results of Studying]. *Izvestiia Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk* 1 (17): 103–109.
- Frolova, G.I. 2003. Ikonopistsy Vygovskoi pustyni [Icon Painters of the Vygovsky Old Believers' Desert]. In *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii* [The Vygovsky Pomor

- Desert and Its Significance in the History of Russia], edited by A.M. Pashkov, 211–219. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Gagarin, Y.V. 1973. *Staroobriadtsy* [Old Believers]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
- Gagarin, Y.V. 1975. Presledovanie staroobriadchestva v Komi krae russkoi pravoslavnoi tserkov'iu i samoderzhavnym gosudarstvom v XIX–XX vv. In *Voprosy istorii Komi ASSR (XVII–XX vv.)* [Questions of the History of Komi ASSR (the 17th–20th Centuries)], edited by Y.N. Beznosikov, 116–131. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR.
- Itkina, E.I. 1985. *Russkii risovannyi lubok kontsa XVIII – nachala XX veka* [The Russian Hand-Drawn Popular Print of the Late 18th – Early 20th Centuries]. PhD diss., Moscow State University.
- Koltsova, T.M. 1998. *Severnye ikonopistsy. Opyt biobibliograficheskogo slovaria* [Northern Icon Painters: A Biobibliographic Dictionary]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Malyshev, V.I. 1956. Pizhemskaia rukopisnaia starina (Otchet o komandirovke 1955 goda) [Pizhemy Hand-Written Oldies (Report on a Business Trip of 1955)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* 12: 461–493.
- Malyshev, V.I. 1960. *Ust'-Tsil'mskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv.* [Ust-Tsilma Hand-Written Collections of the 16th–20th Centuries.]. Syktyvkar: Komi oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Menshakova, E.G. 2012. *Ikonopistsy hramov Pustozerska i volosti v XVIII – nachale XX vekov* [Icon Painters of Temples of Pustozersk and the Volost in the 18th – Early 20th Centuries]. In *Pustozersk – pervyi russkii gorod za Poliarnym krugom: Materialy Piatykh Avvakumovskikh chtenii, 23–25 sentiabria 2011 g.* [Pustozersk is the First Russian city behind the Polar Circle: Materials of the Fifth Avvakumovsky Readings, September 23–25, 2011], edited by E.A. Yeliseyev, 90–97. Narjan-Mar.
- Pivovarova, N.V., ed. 2008. *Obrazy i simvoly staroi very: Pamiatniki staroobriadcheskoi kul'tury iz sobraniia Russkogo muzeia* [Images and Symbols of Old Belief: Monuments of Old Belief Culture from the Russian Museum Collection]. St. Petersburg: Palace Editions–Graficart.
- Plaksina, N.E. 2008. *Ikonopis', dereviannaia reznaia plastika, mednoe khudozhestvennoe lit'io XVII – nachala XX veka* [Iconography, Wooden Carved Plasticity, Copper Art Casting of the 17th – Early 20th Centuries]. Syktyvkar: Komi respublikanskaia tipografiia.
- Plaksina, N.E. 2011. *Pamiatniki staroobriadcheskoi ikonopisi Ust'-Tsil'my v muzeinykh sobraniiaakh Respubliki Komi* [Monuments of the Old Belief Iconography of Ust-Tsilma in Museum Collections of the Komi Republic]. In *Vtorye Miandinskii chteniia: Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (11–12 iulia 2010 g., s. Ust'-Tsil'ma)* [The Second Myandinsky Readings: Materials of the All-Russian Academic and Practical Conference], edited by T.F. Volkova, 308–315. Syktyvkar: Kola.
- Plaksina, N.E. 2013. *Pamiatniki dereviannoi reznoi plastiki Nizhnei Pechory* [Monuments of Wooden Carved Plasticity of the Lower Pechora]. In *Sviatye i sviatyni Obonezh'ia: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Vodlozerskie chteniia – 2013"* [Saints and Shrines of Obonezhie: Proceedings of the Russian Academic Conference "The Vodlozero Readings – 2013"], edited by A.V. Pigin, 162–169. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Plaksina, N.E. 2014. *Vygovskaia traditsiia v staroobriadcheskoi ikone Nizhnei Pechory (po materialam polevykh issledovaniu 2012 g.)* [The Vygovsky Tradition in the Old Belief Iconography of the Lower Pechora (Materials of the 2012 Field Research)]. In *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 11–13 noiabria 2014 g.* [Old Belief: History, Culture, Present: Proceedings of the 11th International Academic Conference, November 11–13, 2014], edited by V.I. Osipov, N.V. Zinovkina, E.I. Sokolova, and A.V. Osipova, 360–371. Moscow.
- Plaksina, N.E. 2016. *Mednolitaia plastika Nizhnei Pechory* [Copper Plasticity of the Lower Pechora]. In *Tret'ii Miandinskii chteniia: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (8–9 iulia 2015 g. Syktyvkar)* [The Third Myandinsky Readings: The Collection of Academic Works Drawn on Materials of the All-Russian Academic Conference (July 8–9, 2015, Syktyvkar)], edited by T.F. Volkova, 106–116. Syktyvkar: Izdatel'stvo SGU imeni Pitirima Sorokina.
- Platonov, V.G. 2003. *Ikonopis' Vygoreskii v sobraniiaakh muzeev Karelii* [The Vygoreskii Iconography in Collections of Karelia Museums]. In *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii* [The Vygovsky Pomor Desert and Its Significance in the History of Russia], edited by A.M. Pashkov, 220–231. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

- Sharapov, V.E. 2001. Reznye ikony [Carved Icons]. In *Atlas Respubliki Komi* [Atlas of the Komi Republic], edited by E.A. Savelieva, 207. Moscow: Dizain, Informatsiia, Kartografiia.
- Tsekhanskaia, K.V. 1998. *Ikony v zhizni russkogo naroda* [Icons in the Life of the Russian People]. Moscow: Pravoslavnyi palomnik.
- Vlasova, V.V. 2011. Mednoe lit'io v povsednevnoi zhizni i obriadovoi praktike komi-staroverov [Copper Casting in Everyday Life and Ceremonial Practice of the Komi Old-Believers]. *Arkheologiya, etnografiia, antropologiya Evrazii* 1: 122.
- Yukhimenko, E.M. 2013. Pamiatniki vygovskoi ikonopisi pervoi poloviny XIX v. iz chastnogo sobraniia [Monuments of the Vygovsky Iconography of the First Half of the 19th Century from a Private Collection]. In *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)* [Old-Believers in Russia (17th–20th Centuries)], edited by E.M. Yukhimenko, 312–325. Moscow: Languages of Slavic Culture.
- Zotova, E. Ya. 2006. Mednolitoi skladden' iz Ust'-Tsil'my [Copper Skladden from Ust-Tsilma]. In *Sel'skaia Rossiia: proshloe i nastoiashchee (istoricheskie sud'by severnoi derevni): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Respublika Komi, s. Ust'-Tsil'ma, 1–13 iuliia 2006 g.)* [Rural Russia: The Past and Present (Historical Destinies of the Northern Village): Materials of the All-Russian Academic and Practical Conference (Komi Republic, Ust-Tsilma, July 10–13, 2006)], edited by A.V. Petrikov, A.A. Popov, and A.N. Sakharov, 389–394. Moscow and Syktyvkar.